

СЕЛЕСТИНА ДАРО

ПЕСНЯ
ЭРИДАНИА

СВЕТ ВО ТЬМЕ

18+

Селестина Даро

Песнь Эридана. Свет во тьме

«Автор»

2024

Даро С.

Песнь Эридана. Свет во тьме / С. Даро — «Автор», 2024

Для Лаванды Вуд, обычной девушки из штата Орегон, две темы были всегда под запретом: все, что касалось ее матери и музыка. Никаких вопросов про мать, никаких песен. Честно соблюдая правила отца целых восемнадцать лет, случайно узнав имя своей матери в день рожденья, она решается их нарушить. Но, может быть, она зря это сделала? Всего лишь одна песня — и жизнь девушки оказалась в опасности. Ведь Лаванда не знала, что она — спеллсингер. Одно ясно точно: впереди Лаванду Вуд ждёт сложный выбор. Обложка создана с помощью Playground AI.

Содержание

Глава	5
Часть 1. Их запретыГлава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Песнь Эридана. Свет во тьме

Глава

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, случайны.

Музыка – это самый сильный вид магии.

Мэрилин Мэнсон

Часть 1. Их запретыГлава 1

Я не могла больше этого терпеть. Отец в который раз перегнул палку. И это в такой день! В мой день рождения!

Я была вне себя от злости и еле дождалась, пока он соберется на работу. Закинув на плечи заранее собранный рюкзак, который уже ждал своего часа, я взяла велосипед и гордо выехала из Феникса в сторону Эшленда. Может быть, мне хватит сил крутить педали до самого Национального памятника Каскад-Сискию. Каким отбитым станет за эти четыре часа мое мягкое место я не хотела даже думать.

Мне просто нужно было выпустить пар. Отмечу свой день рождения в полном одиночестве в горах. Все равно на вечеринку собираются прийти только Эмма и Уильям.

Нет, отец не бил меня или что там ещё бывает. Я скривилась от таких мыслей, посетивших меня. Но он запрещал нам с Лиамом все, что касалось музыки. Мы не могли ходить в музыкальный класс, не могли играть в группе, да что уж там, не могли даже напевать себе под нос!

Пока я была маленькой, я принимала этот запрет как должное. Но чем дальше продвигалась стрелка на моих личных часах, тем труднее мне было с этим мириться. Особенно, когда вокруг все пело.

Я видела различия. Весь мир вокруг словно издевался надо мной: друзья в школе создавали музыкальные группы, ходили в клубы, давали мне послушать новые хиты.

Но я, вероятно, и дальше терпела бы, если бы сегодня, в нашей словесной перепалке отец не обмолвился вскользь о том, что запрет на музыку связан с моей матерью. Конечно же, я сразу взвинтилась. О двух вещах в нашей семье запрещалось говорить: о музыке и о моей матери.

Все, что мы с Лиамом знали о ней, так это то, что после рождения моего младшего брата она умерла. Долгое время отец прятал наши свидетельства о рождении, и мы не знали даже ее имени. До сегодняшнего дня. А теперь я знаю, что ее звали Элизабет.

Я не нарушала запреты отца ни разу за восемнадцать лет. Старалась быть хорошей дочерью. Но я никак не могу понять – почему? Почему он никогда не говорил с нами о ней? Почему у нас нет ни одной ее фотографии? Почему отец просто молчал, когда мы с Лиамом задавали, очень-очень редко, вопросы о ней? Все это терзало меня изнутри.

Все во мне кипело, я была так зла, что даже не заметила, как проехала Талент.

Зимой в Орегоне иногда выпадал снег и быстро таял, но чаще, начиная с конца октября и до конца апреля, Феникс и ближайшие к нему города по погоде напоминали Лондон: дожди и пасмурное небо.

Я почувствовала, как в моем теле потихоньку нарастает жар. Кости ломило. Только этого не хватало. Надо же было выбрать именно этот день! Неужели я успела заболеть меньше, чем за полчаса езды? Я покачала головой. Вероятность того, что я смогу успокоиться в горах, таяла на глазах. Но мне необходима была передышка. Я стала крутить педали быстрее. Я надеялась, что смогу увидеть там немного больше снега, чем здесь.

Дождь усилился, и я разрешила себе немного отдохнуть, когда увидела вывеску «У Руби». В животе урчало, жар разгорался, вдобавок ко всему меня начало трясти как осиновый лист на ветру. Я зашла внутрь и сразу же обратила внимание на черную меловую доску «Добро пожаловать к «Руби»», на которой было вывешено меню. Мои губы скривились сами собой, когда посреди доски на третьей строке я увидела надпись «Венди буррито». Я терпеть не могла это имя. «Венди» – так меня называл отец. Но мне нравилось исключительно Лав. Или, на крайний случай, но не для всех, – Ви. Или пусть вообще не сокращают! Называя, как есть – Лаванда. Но только не Венди, пожалуйста.

Я взяла горячий какао и лепешку с фалафелем. Если я заболела, то, наверное, не стоит пить холодные напитки. Сделав пару глотков какао, я поняла, что совершила ошибку. Все мое тело горело. Наоборот, мне срочно нужно было выпить чего-то, что меня охладит. И этим чем-то стала диетическая кола.

Быстро перекусив, я вышла, осознавая, что вся моя решимость посмотреть на горы под этим дождем растворяется с каждой минутой. Боясь совсем раскиснуть в тепле, я решила не останавливаться в кафе надолго.

Проезжая по Эшленду, я пыталась бороться с собой. Я ни разу не пела за восемнадцать лет, и сейчас мне сложно было просто открыть рот и начать петь во все горло. Дело было не только в банальном стеснении, но и в нем тоже.

Однако, когда я выехала из Эшленда, несмотря на усталость, температуру, и, вероятно, болезнь, – вдохновение, скопившееся за все эти годы выплеснулось из меня, и я начала пропевать все те хиты, которые мне давала послушать Эмма Ортиз, моя лучшая подруга. Она знала о запрете моего отца, но все равно тайком подсовывала мне свой айпод нано.

Мой телефон завибрировал. Долго ждать не пришлось.

«Ты где?», – вот и сообщение от Эм.

Черт. Я забыла написать Эмме, чтобы она отмазала меня по всем фронтам.

«Сбежала в Эшленд праздновать сладкие восемнадцать! Прикроешь?! Не хочу, чтобы Уильям увязался за мной, хочу крышесносно развлечься одна».

«Ты ведь это несерьезно? Сбежала отмечать без меня?!».

«Еще как серьезно. Мне нужна передышка. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста».

«Я тебе это припомню, засранка. Но окей. Уильяма сегодня нет на занятиях, так что за него не ручаюсь».

Черт! И где он может быть? Вдруг мой-типа-парень заболел, а я даже не знаю об этом? Или готовит мне сюрприз ко дню рождения? «Типа парень» – потому что, когда ты в настоящих отношениях, тебя целуют, в том числе, по-настоящему, и случается разное, побольше, чем просто поцелуи. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, и об этом «побольше» я могла, видимо, только мечтать. Потому что Уильям даже ни разу не поцеловал меня. Эта его вечная песня: «Куда нам торопиться?», «Твой отец меня убьет», «Сначала нужно оформить наши отношения». Какие отношения? Которых нет? Ну ладно, я перегнула, они все же есть – дружеские. Но дружеские отношения государство не регистрирует.

Если честно, я даже не знаю, что чувствую к Уильяму. Он красивый: высокий парень, телосложением похожий на самого Апполона, с золотистыми кудрями и ямочками на верхней части щек, которые появляются почти под самыми глазами, когда улыбается. Он единственный парень, которого одобрил мой отец. Наверное, как раз из-за вечного «куда нам торопиться» и отсутствия этого самого, о чем мне остается только мечтать.

Многие девчонки в школе не понимают, что такого нашел во мне Уильям, что предложил встречаться именно мне, а не им. Я рыжая, мелкая, обожаю синие клетчатые фланелевые рубашки (особенно с капюшоном) в цвет моих глаз и джинсы. Я не так популярна, как Уильям. Скорее, невидимка. Одним словом – он мне не ровня. Даже мне порой непонятно, почему он нянчится со мной.

В какой-то момент шоссе начало казаться бесконечным. Солнце все чаще выглядывало из-за туч и ослепляло. Я пожалела, что мне не хватило ума положить в рюкзак жаропонижающие таблетки. Или у меня все же осталась парочка? Температура не хотела снижаться, несмотря на прохладу, стоящую в воздухе.

Когда мимо меня проехал школьный автобус, я удивилась: не время для него. Но потом поняла, что это экскурсионный, и продолжила предаваться раздумьям, периодически останавливаясь, чтобы свериться с картой. Сейчас по автомагистрали ехало не так много машин, и идеальная велосипедная дорожка радовала меня. Сосны и ели вставали справа все более высокой

стеной. После одного из поворотов солнце стало таким ярким, что я пожалела, что не надела темные очки. А ещё мне показалось, что несмотря на то, что был декабрь, на небе появилась радуга. Или даже радужный купол? Ну вот, кажется мне совсем плохо. Я, видимо, брежу от температуры.

А ещё я насчитала уже четыре машины с номером, в котором были три семерки в ряд. Эта цифра меня преследует. Во всем, что связано со мной всегда есть семерка. И это, в прямом смысле, началось с моего рождения. Я родилась седьмого декабря. Мы живем на Колвер Род четыре один два семь. Номер моего шкафчика в школе – семнадцать. И, кстати, сегодня как раз мой день рождения.

Через некоторое время, когда ноги уже начали наливаться свинцом, я поняла, что ехать по автомагистрали пять было плохой идеей, и свернула обратно в Эшленд, чтобы потом выехать на знаменитое шестьдесят шестое шоссе. Я проехала небольшое ранчо, летнюю школу, обогнула часть Эмигрантского озера и уже подъезжала к институту Селберга, когда вдруг начался сильный ливень.

И тогда меня осенило: я ехала сюда именно ради этого момента. Какая-то непреодолимая мистическая тяга заставила меня оставить велосипед у обочины и пойти сквозь еловый лес к озеру. Вот он мой шанс – совершить что-то абсолютно сумасбродное, дикое, выходящее за рамки этих вечных дурацких правил.

Я на секунду замерла, любуясь соснами и елями вокруг. Недавно выпавший снег таял на глазах. Я рассмеялась и подставила лицо каплям дождя. Я прыгала и кружилась совсем как маленькая, раскинув руки в стороны. А затем, наконец, вдохнув полной грудью свежего зимнего воздуха, напоенного ароматами оregonской хвои, запела в полный голос:

*Музыка – это мы,
Когда сердце твое поет,
Раздвигая границы тьмы,
Просто иди вперед!*

Я почувствовала, что горю. Жар достиг своего предела и должен был выплеснуться вовне. Я надеялась, что дождь охладит меня, но этого не произошло.

Мое тело засветилось, словно миллиард звезд. Свет вытекал из меня, разливаясь в воздухе поляны крохотными искрами. Наверное, это все происходило не наяву. Видимо, я бредила.

Уголком глаза я вдруг заметила, что за границами Света, который выливался из меня, потемнело. Там была тень. Черная, огромная тень. Волоски на моей коже встали дыбом. От какого-то первобытного страха желудок завязался в тугой узел. Справа от меня тоже кто-то был. Высокий парень смотрел на меня сквозь чуть заснеженные ветви елей и пихт с неподдельным ужасом. Его глаза были еще синее, чем мои. Я никогда раньше не видела таких ярких сапфировых глаз. Я не могла оторвать от этого чарующего синеглазого брюнета взгляд. На нем был какой-то костюм, состоящий из полупрозрачных переливающихся сине-фиолетовых чешуек. Или мне показалось? По его рукам от запястий вверх вращались золотые витые магические символы. Такое я видела только в кино.

А то, что произошло дальше, вообще не вписывалось ни в какие рамки разумного. Сине-фиолетовый дракон взмахнул крыльями, издав низкий утробный рык, и тень исчезла. А я вдруг почувствовала себя полностью опустошенной. Мой Свет померк, а потом и вовсе рассеялся. Все вокруг закружилось, ноги стали ватными. Я ощутила, что падаю. Опустив взгляд вниз, я успела заметить, что мои руки от запястий вверх тоже оказались окутаны золотой вязью, которая сияла.

Кажется, этот парень успел подхватить меня, и мы вместе рухнули на заснеженную декабрьскую траву.

Глава 2

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого орегонского солнца. Оно всегда здесь такое, необычное, неповторимое. Если передо мной положить сотню фотографий из разных мест, я всегда точно узнаю, где именно на них Орегон – по этому солнцу. По рассветам и закатам. Они в Орегоне такие, каких не встретишь нигде больше на Земле. Несмотря на то, что Феникс – маленький город, я хотела бы и дальше жить здесь.

Дверь моей комнаты была закрыта не полностью, и я слышала голоса отца и Уильяма.

– Я боялся, что это произойдет.

– Главное, что она жива, она здесь. Я привез ее, мистер Вуд, как мы и договаривались. Вам не о чем волноваться.

– Ты умный парень, Уильям. Парень моей дочери. Поэтому я плачу за это именно тебе.

Платит за что? Я старалась ничем не выдать то, что больше не сплю. Отец что, только что сказал, что платит Уильяму за то, что он – мой парень? Этого не может быть. Я зажмурилась еще крепче. Я думала, что невозможно почувствовать себя еще более жалкой, но, видимо, это не так.

– Скажи-ка мне вот еще что, парень, они спали вместе?

Я слышала, как голос Уильяма дрогнул, когда он прочистил горло.

– Да.

Я слышала тяжелый вздох отца, а потом звук от удара кулаком по столу.

Ну все, с меня хватит. Я резким движением скинула с себя одеяло и выбежала в гостиную. Кто-то меня переодел во фланелевую пижаму. Заметив это, я закатила глаза. Надеюсь, это был хотя бы Уильям?..

– Папа! Как ты можешь спрашивать о таком? Я ни с кем не спала, даже с ним! – Я зло ткнула в Уильяма пальцем. – И даже если бы я с кем-то переспала, ты не имеешь права так бесцеремонно лезть в мои дела! Мне исполнилось восемнадцать!

Внезапно на меня нахлынули недавние события. Сколько я проспала? День? Два? Что там вообще произошло? Что это был за парень? Там правда был дракон? Видел ли все это Уильям?

Боль пронзила мои виски, словно молнией, и я их потеряла, присев на край дивана.

– Нечего подслушивать чужие разговоры, дочь, – строго отрезал Дэвид. – Никто не говорил о тебе.

На секунду во взгляде Уильяма промелькнуло удивление, и я успела перехватить этот взгляд. Раз отец решил сыграть в такую игру, я позже поговорю с Уильямом наедине. Благо, наедине мы оставались часто и много.

– Как ты вообще нашел меня, Уильям? – Я решила переключиться на парня, сочтя из этих двоих слабым звеном его. – Скажи честно, неужели Эмма так волновалась за меня, что рассказала тебе, куда я еду?

– Что? Эмма? Нет, Ортиз ничего мне не говорила. Проще спросить рыбу, чем ее. Та хотя бы булькает. Эмма никогда тебя не сдаст.

Да, зря я даже на секунду в ней засомневалась. Уж она-то, действительно, меня не сдаст. Я выжидательно сверлила Уильяма взглядом.

– Да я ещё вчера понял, что у тебя накипело. Было лишь вопросом времени, когда у тебя окончательно сорвет котелок. Поэтому, почувствовав неладное, я с утра наблюдал за вашим домом. А как увидел, что ты взяла велик, рюкзак и уехала, я сел в свой Фолькс и выехал сразу за тобой. Ты крутила педали как сумасшедшая!

– Спасибо, Уильям! – зло ответила я.

– Могла бы и поблагодарить его за то, что он спас тебе жизнь.

Я выразительно посмотрела на отца.

– Он спас мне жизнь?! Нет, не он! А тот парень, который...

– Который что? – не дал мне договорить отец, и я на секунду замешкалась.

– Который превратился в дракона, – жалким тихим дрожащим голосом договорила я.

Брови отца взлетели вверх.

– Там была только ты. Уильям сказал, что ты врезалась в дерево и потеряла сознание.

Когда он поднял тебя, у тебя был жар. Мне пришлось сдать твой велосипед в ремонт. Наверное, тебе стало плохо и ты потеряла управление...

Я с недоверием посмотрела на отца. Он кивнул в сторону зеркала, которое висело над камином. И я подошла к нему, напряженно разглядывая свое отражение. Теперь мой лоб ровно по центру украшал пластырь. И когда я успела? Всего лишь пластырь, а это, наверное, значит, что шрама не останется. Я провела пальцами поверх него, чтобы удостовериться, что там точно что-то есть. Голова болела, но не в области лба, а в области висков.

– Тогда могу я узнать, о ком вы говорили с Уиллом, когда я...

Складка между бровями отца смягчилась. Он махнул на меня рукой.

– Спроси у своей Эммы и ее дружка Питера Дастингса сама.

Я хотела пнуть ножку журнального столика, но вместо этого наступила на хвост нашему Баллерофонту на хвост. Черный кот жалобно замыкал, а потом, обидевшись, залез на шкаф. Я виновато пожала плечами.

Колокольчик в прихожей звякнул, и через пару минут в гостиную зашел Лиам. Увидев наши напряженные лица, он поднял руки, давая понять, что узнает обо всем позже и в более спокойной обстановке, чем сейчас, и быстро, как мог, юркнул к себе в комнату.

А я ощутила, как кончики пальцев начало покалывать. Покалывание распространилось сначала на кисти, а затем – на запястья. Это неприятно нервировало. Я взяла клетчатый плед, и, выйдя в сад, села на качели. Уильям ушел к себе не попрощавшись. Думаю, это ненадолго. Он скоро снова окажется возле меня, как верный сторожевой пес.

Но первой оказалась Эмма. Она аккуратно закрыла за собой деревянную калитку и подойдя к качелям, устроилась рядом со мной.

– Ты не ответила ни на одно мое сообщение, с тех пор как написала, что сбежала в Эшленд. Я беспокоилась. И сдавать тебя отцу и Уильяму не хотелось. Поэтому я решила пройти мимо твоего дома и разведать обстановку, – Эмма разглядывала пластырь на моем лбу, безуспешно пытаясь контролировать тревогу.

Я поняла, что не чувствую чего-то негативного после вчерашнего, хотя, наверное, должна. Кроме нервующего меня покалывания, я чувствовала приятное волнение. В моем животе порхали бабочки... Кажется, и в голове тоже.

– Меня привез Уильям. Сколько прошло времени с моего последнего сообщения?

– Уильям? Как он узнал, где ты? Что с тобой случилось? Прошло чуть меньше суток. На твоем велосипеде зимняя резина?

– Оказывается, он ехал за мной с самого начала. А насчет того, что случилось... Я не уверена. И в этом-то и есть проблема.

– Как это – не уверена? – удивленно переспросила Эмма.

– Мне кажется, что моя версия случившегося расходится с версией Уилла. – Со стороны мой голос был каким-то потерянным.

– Окей... Давай начнем с твоей версии. Что случилось, Лав?

– На самом деле, я собиралась не в Эшленд, а в Каскад Сискию, и поэтому, проехав Эшленд, доехала почти до института Селберга, как вдруг начался дождь. Мне показалось, что по дороге я успела простыть, затемпературила, но я ехала в горы ради того, чтобы вдохнуть полной грудью. Когда начался ливень, я поняла, что вон он, тот самый момент! И мне даже не нужно ехать дальше.

Казалось, Эмма проглатывала каждое мое слово и не обиделась за то, что я не сказала ей правду о том, куда на самом деле собиралась ехать. И я продолжила:

– Я пошла в лес возле Эмигрантского озера. Мне вдруг так захотелось пойти именно туда! Я танцевала там на поляне под дождем... А еще, – мне пришлось понизить голос до шепота, – я всю дорогу пела. И там, на поляне, тоже. Я танцевала под дождем и пела. Ты даже не представляешь как это было нереально классно!

Эмма удивленно вытаращилась на меня.

– Я думала, ты никогда не решишься нарушить этот дурацкий запрет.

Опустив момент, где из меня буквально фонтанировал свет, я продолжила все также шепотом:

– А потом я увидела чью-то тень. Огромную тень. Очень черную, не такую, как обычные тени, и я испугалась. До чертиков испугалась, Эм. Это было реально жутко. А потом заметила его.

– Кого? – нетерпеливо заерзала Эмма.

– Синеглазого брюнета. Он, – я нервно сглотнула и набрала побольше воздуха, чтобы мне хватило смелости проговорить это, – превратился в дракона. И победил черную тень.

– М-м-м... Звучит романтично! – улыбнулась Эмма. – И что дальше? Откуда пластырь на голове?

– Потом у меня закружилась голова, и я стала падать. Этот парень-дракон мгновенно оказался возле меня, смягчив падение. Но я с этого момента ничего не помню. Возможно, потому, что ударилась головой о камень. Ну, каков вердикт?

– Нет, подожди. Давай теперь версию Уилла.

– Да тут и рассказывать, если честно, нечего. Он говорит, что ехал за мной всю дорогу, а потом мне стало плохо и я врезалась в дерево. Отсюда и пластырь.

– Ладно, давай подведем итог. В ваших рассказах есть общая черта – ты стукнулась головой, – хитро прищурившись, констатировала Эмма.

Я пихнула ее в бок.

– Буду честной, Лав... Твой рассказ более романтичный и остросюжетный, чем у Уилла, что логично, учитывая то, кем ты собираешься стать, но...

– Но? – не выдержала я.

– Синеглазый брюнет, который превратился в дракона? Победил тень? Я не говорю, что этого не было, но звучит как-то дико, понимаешь?

Я согласно кивнула, проглотив подступивший ком к горлу.

– А это что? – зашипела на меня подруга, схватив за запястье. – Ты набила татуху в Эшленде? Твой отец явно еще не видел! У него же башню сорвет! Зачем ты провоцируешь его? – Эмма, прости, но замолчи на минутку!

Я испуганно таращилась на запястье. На нем проступила красивая кельтская вязь.

– Господи, ты что, и это не помнишь, как сделала? – С ужасом посмотрела на меня Эмма, покачав головой. – Это и был твой крышесносный отдых? Чего ты ещё не помнишь?

Я натянула рукав кофты так, чтобы тату не было видно.

– Слушай... Ее не было с утра, ясно? В это ты тоже, очевидно, не поверишь, поэтому давай сменим тему. Ты и Питер Дастингс.

Я и не ожидала от Эммы, что она поверит в мой рассказ, даже несмотря на то, что она – моя лучшая подруга. Она ведь не сумасшедшая, чтобы поверить в такое! Я бы на ее месте точно забеспокоилась.

– Что я и Питер Дастингс?

– Уилл сказал отцу, что вы переспали!

– Что? Я думаю, он так решил, потому что... – Эмма запнулась, – Я сказала, что тебя прикрою, но в этот раз я тебе бесстыдно наврала, – опустила глаза Эм. – Меня саму нужно было прикрывать. Меня тоже не было в школе.

– Так это правда? Вы...

– Господи, Лав, нет!

– Эм, а что такого? Разве он тебе не нравится?

– Нравится. Но дело не в этом! Ты сама прекрасно знаешь. Все должно быть по любви!

– Как будто ты его не любишь, – буркнула я. – А где ты была, раз не в школе? – Я провела пальцами по бирюзовым доскам качели. – И как ты узнала, что Уилла не было?

– Питер отвез нас на озеро Агат. Со мной тоже произошло кое-что странное. Конечно, не парень-дракон, но... И ты ещё спрашиваешь как? Весь наш девчоночий чат мигом трезвонит о том, если Уильям пропустил хотя бы день.

Я улыбнулась. Хорошо, что странности происходят не только со мной.

– Я бы на твоём месте дико ревновала, – заметила Эмма.

– Выкладывай, – заговорщицким тоном приказала я, проигнорировав ее замечание.

– Несмотря на то, что сейчас далеко не сезон, мы захотели искупаться. И, сразу в оправдание скажу, что не мы одни! – Подняла руки в защитном жесте Эм. – Мы плавали и вдруг возле меня появился щетинистый плавник. Я вглядывалась, вглядывалась, испугалась, думаю: «Ну что это за рыба огромная может быть?!». Меня всю трясло от страха, я запрыгнула на Питера, и вдруг вокруг нас их стало много. Питер как закричит: «Кабаны! Дикие кабаны!» и мы с остальными опрометью бросились из воды. Похватали свои полотенца и полуголыми бежали до остановки автобуса. Да, представляешь, мы поехали не на машине!

Я заржала как сумасшедшая.

– Да, мой парень-дракон по сравнению с дикими кабанами, которые уж точно существуют, – это мелочи! – утирая слезы от смеха из уголков глаз, сообщила я. – Вы реально чокнутые! Разве озеро не замерзло?

– А мне не было смешно! Представляешь, я, как назло, надела тот древний фамильный бабушкин кулон. И когда мы бежали к остановке, поняла, что кулона на мне уже нет. Я уговорила Питера вернуться за ним. И кстати, нет, озеро не замерзло до конца.

– Вау! И он согласился? А как же кабаны? Разве это не странно, что они тоже решили искупаться в ледяной воде?

– Да, он согласился и да, это все странно, – покраснев, ответила Эмма. – Когда мы дошли обратно, кабанов там уже не было. Но и кулона по пути мы не нашли. Питер нырял в озеро до посинения, но и там ничего. Он хотел меня развеселить, говорит «теперь кулон твоей бабушки носит упитанный кабанчик». Да только мне от таких шуточек врезать ему захотелось! Но это ещё не все.

Я вскинула брови.

– Нырял ради тебя в ледяную воду! Разве *это* не любовь?

Я помахала рукой, призывая Эмму рассказывать дальше, но в этот момент увидела, что Уильям стоит, прислонившись к нашей иве, поигрывая мечом для тенниса.

– Ты не вовремя, – зашипела на него я. – Ещё и часа не прошло!

– Да ладно, Лав. Я и при нем могу разговаривать, я привыкла, что он – словно твоя тень.

Уильям посмотрел на Эмму, прищурившись, а потом продолжил подкидывать мяч, как ни в чем не бывало.

– В-общем, Питер сказал, что помогал отцу разбирать бумаги в здании старой почты и нашел там стопку неотправленных писем от моей бабушки по линии отца, адресованных моей матери.

– О, – удивилась я. – Неожиданно. Разве они такое не утилизируют?

Эмма пожала плечами.

– Не знаю, почему эти письма не были отправлены. Не знаю, как они там сохранились.

«Какая же я была тогда идиотка,

что сказала Диме, что тебе надо сделать аборт. Теперь у меня есть Танечка, ей год и три, и она такая милая... Я души в ней не чаю. Жаль, что вы с Димой не вместе. Но хорошо, что ты ни его, ни меня не послушала, и твоя дочь, моя внучка – жива. Спасибо тебе за это»,
– развернув пожелтевший лист, бегло прочитала Эмма.

Моя подруга была родом из русской семьи, эмигрировавшей в Орегон. В Эшленде у русских есть свой небольшой район. Они ежегодно устраивают ярмарки и надевают на голову яркие платки с цветочными узорами.

– Ты отдашь их своей матери? – спросила я глухо.

– Да. Наверное отдам, – робко улыбнулась Эмма, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами.

Я вдруг ощутила ни с чем не связанную тоску. Запястье опять начало покалывать иголочками. Но я старалась не касаться его, чтобы не выдать татуировку Уильяму. Он – мой парень, но после этого разговора с утра я не знаю, можно ли ему доверять.

Глава 3

Я неожиданно для остальных, как впрочем и для себя, встала с качелей, и подошла к Уильяму. А потом уперла свои руки в ствол ивы рядом с его головой так, что он оказался заперт между ними.

Эмма пораженно смотрела меня, чуть качая головой. Кажется, она не советовала мне делать то, что я как раз собиралась. Но с меня хватит. Я хочу прояснить все с Уильямом прямо здесь и сейчас.

– Поцелуй меня, или проваливай, – медленно, но с вызовом произнесла я. – Я не верю ни единому слову, сказанному тобой при мне моему отцу.

Я надеялась, что Уилл не будет играть в дурачка.

– Лаванда... Ты же знаешь, мы не должны этого делать, тем более здесь, – Уильям смотрел сквозь меня на окна моего дома.

– Хватит этих отговорок! Целуй или проваливай. Я тебе нравлюсь? Почему ты решил со мной встречаться?

– Лав... Это все из-за разговора с утра? – Уильям смотрел в сторону.

– Уильям! – Я потеряла терпение.

Он повернулся ко мне и легко коснулся своими губами моих.

– Довольна? Тебе нужно было подтверждение? Ты мне нравишься. Мы продолжаем встречаться.

Я опешила. Если честно, я ожидала, что он, наконец, поцелует меня по-настоящему. Особенно после моего ультиматума. А это? Что это вообще было?

«Мы продолжаем встречаться», – а меня он спросил?

Я убрала руки от его головы, фыркнула и убежала в дом. На что я надеялась? Что буду парить от счастья от того, что он меня поцелует? Вместо этого мне было больно. Мое сердце разрывалось. Очевидно, я его не люблю. Но если не любишь, может ли так болеть сердце от нелюбви? Не первый поцелуй, а настоящее недоразумение.

Эмма вбежала вслед за мной.

– Зачем ты это сделала?

– Потому что мне надоело жить во лжи, Эмма! Я хочу настоящих чувств, настоящей жизни! Я не хочу, чтобы мой отец платил моему парню за отношения со мной! Я хочу музыки! Танцевать под дождем! Я хочу, чтобы моя жизнь была похожа на эту музыку: дышать и не надышаться, понимаешь?

– Стоп, что ты сказала? Твой отец платит Уиллу за то...

– Они не заметили как я проснулась, и я услышала что-то такое, – нехотя пояснила я.

– В смысле, ты опять не уверена? – уточнила Эмма, недовольно цокнув.

– Отец сказал, что я не так поняла их с Уиллом разговор. – Я пожала плечами.

– Ясно, – отрезала Эм, прожигая меня взглядом.

Я помассировала виски.

– Ладно, Лав. Мне пора. Оставлю тебя ненадолго повариться в собственном соку.

Эмма чмокнула меня в щеку.

– И отвечай на мои сообщения! – Подруга махнула мне рукой.

Я изобразила подобие кивка и улыбки. Итак, мне надо успокоиться. Я включила гирлянду возле кровати. Что я сама-то думаю насчет всего этого? Кому я верю – себе или Уильяму? Ответ довольно прост – себе. Я не знаю, какая выгода Уиллу в том, что он не рассказал отцу о том, что случилось на самом деле. Ведь, понятное дело, он нашел меня ни у какого ни у дерева, а в объятиях другого парня. Возможно, Уилл действительно хочет продолжать наши

«отношения», поэтому решил скрыть это. Он же не думает, что мы там с этим парнем-драконом переспали? Или думает? Какой стыд. Или нет...

Но при мыслях о парне-драконе мое сердце мгновенно потеплело. Что это была за тень? Почему этот парень вступился за меня? Почему рисковал своей жизнью? Было ли это настолько опасным, насколько опасным казалось мне?

Я пообещала себе, что завтра я обязательно куплю себе наушники. Если бы я сейчас могла включить музыку – мне бы думалось проще, я в этом уверена. Но если бы я была в наушниках, то не услышала бы того, что услышала сейчас.

В нашем доме кроме отца и Лиамы кто-то был. И этого кого-то я не знала. Что само по себе было чем-то невероятным. Наш круг общения не менялся от году к году. Я испугалась, что это может оказаться полиция. Ведь, по словам Уильяма я врезалась в дерево.

Я тихонько приоткрыла дверь и увидела, что Лиям тоже стоит у стены гостиной. Он, заметив меня, поднес палец к губам. Я встала у стены возле него, вопросительно приподняв брови. Лиям ответил растерянностью, пожав плечи. Он тоже не знал, кем был этот незнакомец.

– Не будьте столь наивным, Дэвид. Пташке стукнуло восемнадцать. Нами не остался незамеченным ее выплеск силы. Она должна выбрать правильную сторону.

– Что значит – выбрать?! Кем бы она ни была, она уже Хранительница по праву рождения, и вы обязаны передать ей Песнь. Я обещал Элизабет. Только ради этого мы до сих пор остаемся здесь.

Мы с Лиамом переглянулись. Незнакомцу на вид было больше пятидесяти лет. Его белые волосы были слишком аккуратно собраны в хвост. Поверх голубой рубашки он надел черный кожаный жилет. На рукавах и воротнике рубашки я рассмотрела вышитые спирали.

– Что-то вы не слишком хорошо держите свое обещание. Пташка не готова вырваться из гнезда. Мы наблюдали за ней. Вы, Дэвид, ничего ей не рассказывали. Вместо того, чтобы развивать ее голос, вы запретили ей им пользоваться. На что вы надеялись?

Речь точно шла обо мне. Я прикрыла глаза. Меня замутило. Кто этот человек? Лицо Лиамы было напряженным.

– На то, что ей никогда не придется использовать Песнь. Разве вы не это пропагандируете? «Врата должны оставаться закрытыми». Так зачем тогда обучаете каждого Хранителя знанию, как их открыть? Не проще было бы забыть эту самую Песнь, чтобы никто и никогда больше не смог ей воспользоваться?

– Вы до сих пор вините нас в смерти вашей жены. Ты винишь меня, Дэвид.

Я вся обратилась в слух. Плевать, даже если отец застанет меня второй раз за день за подслушиванием. Речь шла о нашей матери. Второй раз за два дня. Я и с места не сдвинулась! Я хочу знать все, что может сказать этот человек, и не важно, знаю ли я его.

– Ты считаешь, что, если бы она не получила бы от нас Песнь, то Пожиратели...

– Я хочу, чтобы вы покинули мой дом. Когда я решу, что Лаванда готова, я сам приведу ее к вам. А пока – вон. И не произносите здесь больше этих слов! Или я за себя не ручаюсь! Ты прекрасно знаешь, что дело не в Пожирателях, Эдвард!

Мы с Лиамом быстро вбежали в его комнату, в которой он, в отличие от меня, предусмотрительно оставил открытой дверь.

– Черт, что все это значит, Венди? – зашипел на меня Лиям.

Если бы я знала!

– Если ты ждешь, что я разжую тебе это, словно урок английского, то не надейся! – шепотом прикрикнула я на него.

Отец вышел во двор и, вытащив из гаража мотоцикл, начал заниматься им. Учитывая, что он не притрагивался к нему уже много лет, что-то точно было не так.

Я хотела уйти обратно к себе в комнату, но Лиям схватил меня за руку.

– Подожди, Вен...

Лиам явно хотел сказать мне что-то другое, но только до тех пор, пока не увидел татуировку на запястье.

– Ты что, сделала татуировку? – сказал он очень тихо и лукаво улыбнулся.

Я непонимающе посмотрела на него. Он что, не собирается сдавать меня отцу?

– Так-так, моя старшенькая отвязная сестрица... Тайна за тайну?

Это же легче простого. Я, в отличие от него, никогда не сдавала его отцу.

– Окей, – согласилась я. – Но я, вроде бы, не собиралась ни на чем тебя поддавливать.

– Это пока, Венди. Это пока... Наша с тобой договоренность – долгосрочная. Однажды, а может это случится скоро, я попрошу тебя сохранить свой секрет.

У меня засосало под ложечкой. Звучало немного жутковато.

– Надеюсь, ты никого не собираешься убивать? – нервно засмеялась я.

Лиам покрутил в сторону поля невидимой шляпы и чуть поклонился мне. Я сглотнула. Почему у меня возникло такое ощущение, будто бы я влипла по уши?

Я страдальчески застонала. Лиам проследил за мной взглядом до самой двери. Мой живот призывно заурчал, и я поняла, что сегодня даже не завтракала. В надежде найти на кухне хотя бы пару приготовленных сэндвичей, я отправилась туда. Из нас троих обычную еду сносно готовил только Лиам. У меня же отлично получалась исключительно сладкая выпечка. В итоге к ожидавшим меня на столе сэндвичам я решила добавить грушевый коктейль. Наверное, груша – самый популярный фрукт в Фениксе. Больше всего мне нравятся хрустальные и груши-гиганты. Самые сочные сорта!

Печь меня научила бабушка. Я ее очень люблю, но, к сожалению, родители отца живут в Шервуде, поэтому их мы с Лиамом видим только в каникулы.

Перекусив, я отправилась обратно к себе в комнату. Подойдя к окну, перевернула висевшую на нем картину с совой. Эта картина была нашим тайным сигналом с Эммой. Если она была повернута обратной стороной, и совы не было видно, то это означало, что сейчас ко мне лучше не приходить: отец не в духе. А если «лицом к миру» – прямое приглашение в гости. А теперь я повернула ее, потому что и я и сама не в духе. Или может, наоборот как раз в нем? Странно, но постоянное чувство, будто бы я не в своей тарелке, сопровождавшее меня с самых ранних лет, улетучилось. Оно словно вытекло с первыми каплями света на поляну, освободив меня. Со светом пришло облегчение. И предвкушение. Все во мне трепетало, словно ожидая чего-то.

Цветы пора бы полить. Я сходила в ванную, набрала воды в стакан, и, убедившись, что отец все еще во дворе, начала тихо напевать. Танец под дождем словно освободил меня. Я больше не перестану петь!

Почти погасшее покалывание в руках разгорелось с новой силой. Я посмотрела на запястье, опасаясь, что появятся ещё рисунки. Но ничего такого не происходило. Мое внимание привлекла фиалка. «Звездный покров», – так назывался ее сорт, – на моих глазах выпустил цветок. А потом ещё один, и ещё.

Я испуганно отшатнулась. Никогда раньше не видела, чтобы цветы появлялись и распускались настолько быстро. Орегон давно оваян разными тайнами и волшебством. Надеюсь, это не радиация?

Мысль о волшебстве застряла у меня в памяти. Я хотела еще немного помурлыкать себе под нос, но увидела, как отец возвращается в дом. Пожалуй, сяду за уроки. В такой ситуации это будет разумнее всего. У меня есть всего три месяца до экзаменов в марте. Самое время потренироваться, в очередной раз, писать эссе.

Глава 4

Я собиралась поступать в Южный университет Орегона в Эшленде, но насчет специальности у нас с отцом возникли разногласия. Он всю свою жизнь посвятил изучению птиц в национальном заповеднике Рог Ривер-Сиския. И хотел бы, чтобы я помогала ему с наблюдениями, пошла по его стопам. Вот только я становиться орнитологом не планировала. Я хотела петь! Но, естественно, об этом не могло быть и речи. В итоге мы договорились, что я пойду на английский язык и в итоге стану писателем. После пения, писать книги это то, чего я бы наверное, действительно хотела. К тому же, по английскому языку у меня всегда были высшие баллы, в отличие от математики. Эссе давались мне лучше всех в классе, и писались легко, будто играючи. На уроках математики я выдумывала и записывала диалоги, которые потом могли бы стать частичками моей книги. Если, конечно, мне однажды удастся ее написать. Идея сюжета пришла мне в голову еще год назад, и с тех пор в моей специальной тетради добавлялись все новые и новые сцены.

Эмма выбрала коммуникационные исследования, поэтому, к сожалению, мы с ней не сможем видаться так часто, как сейчас. Уильям собрался поступать на финансовую математику, а Лиам, через год, на компьютерные технологии.

Удивительно, что мы с отцом смогли договориться хотя бы об английском. Или не удивительно. До моих десяти лет мы с ним отлично ладили. И лишь потом наши отношения стали ухудшаться. По мере того, как росло количество моих вопросов о маме. Лиам же наоборот, вовсе перестал спрашивать, считая это бесполезным.

Раньше отец водил нас с Лиамом в походы. Нам очень нравилось. Я до сих пор помню все наши пешие маршруты, и, особенно мой любимый – Редвудс – как свои пять пальцев. Хотела бы я вернуться в то время, когда мы с Лиамом беззаботно прогуливались под секвойями – этими древними деревьями-хранителями, которые стоят там веками. Но есть и моменты, которые я бы точно не хотела повторять. И они связаны вовсе не с отцом. А со скаутами. В июле, а иногда и в январе, каждый год, отец отправлял нас в лагерь «Маленькое эхо». Лиам просто обожал этот лагерь. Он заработал не меньше сорока значков умений. А я – только пять. Искусство, плавание, фотография, езда на велосипеде и стрельба из лука. У меня многое не получалось, и из года в год я становилась объектом насмешек всего лагеря. И тогда я сбегала ото всех, чтобы дать себе передышку и поплавать на каное.

Кстати, про университет. Отец настаивал на том, чтобы мы с Лиамом каждый день ездили отсюда, из Феникса. Час езды – не так много для человека, который до работы порой едет все четыре. Я еще не получила права, но у отца всегда все распланировано наперед: он уже договорился с Уильямом, что тот будет возить меня на своем Фольксе. И вроде бы, ещё совсем недавно такой вариант меня устраивал. До вчерашнего дня. Теперь же я всерьез задумалась о том, чтобы переехать в студенческий кампус.

От раздумий меня оторвал Баллерофонт. Этот проказник скинул горшок с только расцветшей фиалкой на пол. Наверное, обиделся на меня за то, что я случайно наступила ему на хвост. Чтож, это честно. Но лучше бы я просто дала ему вкусняшку. Мой взгляд упал на лист, и я поняла, что уже полчаса вывожу на бумаге какие-то спирали, семерки и глаза.

«Как там твой парень-дракон? Не объявлялся больше?», – прочитала я сообщение от Эммы и усмехнулась.

«Он не мой парень, и лучше не пиши так, если Уильям случайно увидит нашу переписку, он рассердится не на шутку», —набрала я в ответ.

«Этому напыщенному индюку не помешает немного сбить спесь. Можешь сама дать ему это прочитать», – посоветовала мне подруга. – *Ты не ответила на вопрос»*.

Я поплелась в кладовку за пылесосом, чтобы собрать часть просыпавшейся на пол земли.

«Вряд ли мы когда-либо с ним ещё встретимся», – набирая сообщение, я подумала о том, что слова «твой парень-дракон» разлились по мне теплом.

«Почему? Ты ещё не пробовала поискать своего спасителя?».

Меня словно молнией прошибло. А ведь и правда, я могла бы поискать его в сети. Он выглядел старше меня. Вероятно, он уже студент. А если он учится в Эшленде? Ведь в округе не так много университетов. Тем более, поблизости от Эмигрантского озера. А если я ошибаюсь, и он просто приехал отдохнуть? После того, что случилось, меня увез Уильям... А как же он? Что стало с ним? Какая же я дура, что до сих пор не задумалась об этом. Неужели Уилл бросил его одного там? Вдруг этот парень вообще не пришел в себя, после того, что случилось? Вдруг он умер там? Мои ладони стали влажными, и я почувствовала, будто бы меня ударили под дых. А что если из-за Уильяма я оставила умирать парня, который меня спас? Я села на кровать, к самой стене, поджала колени и обняла их руками. Закрыв глаза, я пыталась побороть панику, которая накатывала на меня волнами. А если Уильям увез меня потому, что парень уже умер, и он просто хотел оградить меня от участия в расследовании? От обвинений? Меня ведь, наверняка, объявили бы причастной к его смерти?

«Хэй, Лав?! Дай угадаю, ты ринулась к компьютеру и ищешь его по всем социальным сетям? А кстати, как? Ты знаешь его имя?», – следующее сообщение Эм вырвало меня из плена тревоги.

Я должна узнать судьбу того парня. Дракон он, или не дракон, он меня спас, а я его бросила. И пока я не узнаю, что он – жив, не смогу жить спокойно.

«Может у тебя есть идеи? Имени нет», – дрожащими пальцами написала я.

Через секунду Эм позвонила мне.

– Есть одна. Ты знаешь, что весь лес возле Эмигрантского озера вчера завалило мертвыми птицами? Наверняка твоего отца в ближайшие часы вызовут туда. Может быть, у тебя получится уговорить его взять тебя собой, и тогда ты получишь осмотреть окрестности!

– Ты чудо, Эм! – чуть не завизжала от этой новости я. Конечно, мертвые птицы это плохо, очень плохо, но то, что они могут стать той самой ниточкой, которая приведет меня в лес возле Эмигрантского озера – и даст, пусть призрачный шанс ещё раз увидеть того брюнета с сапфировыми глазами – это хорошо. Пожалуйста, пусть он только будет жив!

Я, взяв кружку, чтобы сделать вид, что иду за чаем, выскользнула из своей комнаты. И как раз вовремя. Отец собирал свой рабочий рюкзак. Я сделала удивленное лицо.

– Ты же давно не работаешь по выходным? Сейчас вечер пятницы, – сразу пошла в наступление я.

– Вчера недалеко от Эмигрантского озера погибло большое количество птиц. Я должен был выехать туда ещё вчера, но начальство дало мне небольшую отсрочку. Мне нужно выяснить, откуда взялись птицы и что с ними произошло, – отец внимательно посмотрел на меня.

– Можно мне с тобой?

Отец явно не ожидал от меня этих слов.

– Зачем? Ты вчера была там же, где и они, и тебе стало плохо. Мы пока не знаем, что стало причиной их смерти. Может быть, птицы болеют эшерехиозом? Или у них туляремия?

К тому же, ты не способна даже взять их в руки, и ты об этом знаешь.

– Я уже чувствую себя нормально. К тому же, мне стало плохо еще до того, как я доехала до Эмигрантского озера. Просто я терпела и не выпила тайленол вовремя.

– Ты уже столько лет не ездишь со мной на работу. К тому же, сама становиться орнитологом ты не собираешься. Зачем тебе это, Венди?

Я поняла, что сейчас пойти на попятную никак не могу. Если не смогу убедить отца в искренности своих намерений, он просто уедет один.

– Если честно, есть две причины, – я сделала небольшую паузу. Отец прекратил складывать вещи, и остановился возле меня.

– Перед тем, как сделать окончательный выбор, я хочу быть твердо уверена в том, что я права. Я подумала, что съездить с тобой на работу ещё раз – хороший шанс посмотреть на то, от чего я отказываюсь.

– Как будто бы что-то заставит тебя передумать, – хмыкнул отец.

Я проигнорировала его выпад.

– Ну и во-вторых, я подумала, что после нашей вчерашней утренней стычки мы могли бы попытаться наладить наши отношения...

– Ты просто хочешь бросить нас с Лиамом здесь и свалить в кампус. Ты чувствуешь вину за это. Наша совместная поездка не сможет заглушить голос твоей совести, Венди.

– Так значит, ты не возьмешь меня с собой? – отчаявшись, пропищала я.

Отец отрицательно покачал головой.

– А ты не боишься, что пока ты там, я снова куда-нибудь удеру? – Я скатилась до банального шантажа.

– Нет. Уильям присмотрит за тобой.

Я зло стукнула кулаком об дверной косяк.

– Он мой парень, а не нянька, – съязвила я. – Ну и отлично. Посмотрим, сколько еще времени Уилл сможет устоять перед моими любовными чарами. Наконец-то попрактикуемся в поцелуях без свидетелей!

И как только у него получалось каждый раз доводить меня до белого каления?

– Живо собирайся! – зарычал на меня отец.

Я прошептала куда-то в небо «спасибо» и побежала за рюкзаком.

На работу отец всегда ездил на темно-синем Фольксвагене Тигуан, который казался мне более комфортным, чем наша серебристая Субару Форестер. Я положила рюкзак на заднее сиденье, и устроилась поудобнее. Учítывая, что музыку слушать было нельзя, а сердить отца, который все же взял меня с собой, я не хотела, то решила почитать по дороге «Дары Волхвов» О.Генри. Может быть, так из моего рта не вылетит ничего, что могло бы привести нас обоих к катастрофе? Думала ли я, что сегодня снова поеду туда, где вчера со мной произошло нечто необъяснимое? Волоски на моей коже встали дыбом. Я опять что-то почувствовала. Что я буду делать, если этого парня там не окажется? Или, что хуже, если обнаружу там его труп? Мои собственные мысли напугали меня до чертиков.

«Еду с отцом! Спасибо!», – отправила я сообщение Эмме.

А что если эти птицы умерли из-за моего выплеска света? Может быть, мне не стоит ехать и я зря все это затеяла?

– Воробьи, черные и синие дрозды, ласточки, мухоловки, понял! – ответил кому-то по телефону отец, и я прикрыла глаза.

– А разве эти птицы не улетают зимовать? Вроде бы ласточки... – не договорив, я покачала головой.

Отец постучал большими пальцами по рулю.

– Все это слишком далеко от нормы, – только и сказал он.

Моя голова кружилась. Что там на самом деле произошло вчера, и готова ли я столкнуться с последствиями этого? Я не знала.

По дороге я ненадолго уснула, и мне снились те самые синие глаза, которые даже синее моих. Неудивительно, ведь перед тем, как заснуть, я думала о нем. О том, что он для меня сделал, и чего не сделала для него я. Все, о чем я мысленно просила – пусть жизнь даст мне шанс. Пусть даст шанс нам. Ему.

Мой сон был полон переживаний, и только эти синие глаза внушали мне уверенность в том, что все будет хорошо.

Я проснулась от пульсации в запястье. Татуировка сильно вибрировала. А ведь я уже успела про нее забыть! Отец посмотрел на меня в зеркало.

– Ну что, Спящая красавица, готова к малоприятному зрелищу? – поинтересовался он, и я про себя отметила, что отец, возможно, тоже старается улучшить наши отношения. *«Или просто издевается над тобой»*, – прошептал внутренний голос, но я заклеила ему рот скотчем.

– А разве к этому можно быть готовой? – зевнув, спросила я. Невероятно хотелось потянуться, но я побоялась, что отец увидит татуировку. Мы только-только начали выстраивать хрупкий мир, так что не стоит рушить его новыми потрясениями, решила я для себя, подавив желание.

Глава 5

Я зажала рот рукой. К такому невозможно привыкнуть. Везде, куда бы мы здесь не ступали, лежали мертвые птицы. Их было много, очень много. Я почувствовала, как мой живот превращается в тугой комок. К горлу волнами подступала тошнота. Я проглотила ставшую кислой слюну.

На место прибыли орнитологи и из других заповедников. Отец сказал, что мы должны набрать триста образцов. Желательно, чтобы среди них оказались птицы разных видов.

Я выждала момент, когда смогу немного отделиться и пошла в направлении полянки. Воздух, который всего день назад был наполнен свежим звенящим ароматом хвои, теперь был будто грязным. Специфический запах, который исходил от птиц, с каждой минутой все сильнее давил на меня.

На поляне было пусто. В прямом смысле. Возможно, это единственное место в округе, где мертвых птиц не оказалось. Таинственного спасителя тоже. Я походила туда-сюда, и не увидела капель крови. Это меня немного утешило.

Позади меня хрустнула ветка. Я развернулась, надеясь, что это он.

– Вы? Я видела вас у нас дома. Что вам нужно от моего отца? – не очень-то вежливо спросила я, ничуть себя за это не коря.

– Лаванда Вуд, ты пойдешь со мной, – четко выговорил незнакомец с белыми волосами.

В этот раз на нем была темно-синяя мантия, почти до пят, плечи которой были украшены серебряными спиралями.

– Нет, не пойду.

С чего он решил, что я пойду с ним?

– Пойдешь, если хочешь узнать правду о своей матери, – ответил он, словно прочитав мои мысли.

Я задумалась. Откуда я узнаю, если он солжет? Он, наверняка, опасен. С другой стороны, отец знает его, и от отца я не дождалась этой правды за все восемнадцать лет. Возможно, этот человек – мой единственный шанс что-либо узнать. И я не собираюсь его упускать. Может быть, я буду душой, если пойду с ним, и это плохо закончится, но мне нужно узнать хотя бы еще что-то о маме. Для нас с Лиамом. Имя – это лучше, чем ничего, но теперь мне уже было недостаточно лишь имени.

Я сделала шаг к нему.

– Может быть, для начала представитесь?

– Эдвард Резерфорд. Идем.

Я послушно пошла за ним. Когда мы вышли к дороге, я обомлела:

– Синий Крайслер семидесятых? Не очень-то незаметная модель. Я думала, вы собираетесь меня похитить.

– Скорее, дать нам немного больше времени и небольшую фору. Ты идешь со мной по собственному выбору и желанию. Разве нет?

Я кивнула. Если честно, мне было немного страшно и мои руки дрожали. Я согласилась ехать с неизвестным мужчиной неизвестно куда. Верх благоразумия. Стоило ему только упомянуть мою мать, как я почти сразу согласилась. Отец меня убьет. Лиам меня убьет. Уильям как минимум встанет в эту очередь. Даже Эмма наверняка рассердится не на шутку.

Я села на заднее сидение и пристегнулась. Как вообще можно на этом ездить? Seriously, Крайслер? Чувствую, к концу поездки у меня будет все болеть.

Эдвард сел за руль.

– Я – глава Ордена Хранителей Песни Эридана, – произнес он, посмотрев на меня в зеркало.

– Мне это ни о чем не говорит. Только о том, что название вашего ордена слишком длинное, – заметила я. – Спрашивать, куда мы поедем, наверное, бесполезно?

– Нет, так как ты согласилась пойти со мной, от тебя у нас тайн нет, Хранительница.

– Воу-воу. Я ни в какой Орден вступать не собираюсь, – пояснила я, нервно положив руки на замок ремня безопасности.

– Неужели ты так быстро передумала и уже собираешься уйти? – в пронизательных глазах Эдварда мелькнула усмешка.

– Нет, я просто пытаюсь устроиться поудобнее, – сглотнув, соврала.

Или не соврала. Ведь я пока не думаю никуда убегать. Сначала получу информацию о моей матери.

– Мы поедем в Венету. У нашего Ордена есть три центра: в Венете, Корваллисе и в Форест Гров.

– Как вы узнали, что я приеду с отцом?

– А я и не знал. Решил испытать удачу. Все орнитологи слетелись сюда как птицы, – неудачно пошутил Эдвард и я поморщилась.

А потом покрутила в руках мобильный. Может быть, отправить отцу сообщение, о том, что я передумала и уехала, чтобы не волновался?

– Пожалуй не стоит, – покачал головой Резерфорд. – Твой обман все равно слишком быстро раскроется.

– Что вам от меня нужно? – скрестив руки на груди, напрямую спросила я.

– Подготовить тебя к получению Песни.

Песни? Звучит интересно.

– Там с отцом, вы ведь говорили обо мне?

Отец сказал, что сам приведет меня к вам, когда я буду готова. Почему бы не подождать? Месяцем раньше, месяцем позже, что это решает?

– Во-первых, твой отец не в курсе того, что на тебя напал Пожиратель. И я не стал раскрывать твою маленькую тайну. Твое молчание нам только на руку. Иначе он не отпустил бы тебя никуда.

– Пожиратель – это та черная тень?

– Да.

– А почему Пожиратель? Что могут пожирать тени? Свет?

– Пожиратели миров. Это древняя раса существ, которую заперли в Солнечной системе. В частности, на Земле.

– Древняя раса? Значит их много?

– Достаточно. Они – хищники, и обычно не показываются днем.

– Откуда вы знаете, о том, что случилось на поляне?

– Твой свет был виден на сотни миль вокруг.

У меня закружилась голова. Неужели все это было по-настоящему? Я чуть приоткрыла окно машины.

– Это нормально. У некоторых Хранителей Песни есть такие способности. У Хранителей-спеллсингеров.

– А много человек в Ордене?

– Семьсот человек. Но далеко не все члены Ордена – спеллсингеры. Обычно спеллсингеров всего семь. Седьмым спеллсингером была твоя мать, а теперь будешь и ты.

И тут до меня дошло...

– А тот парень-дракон? – выпалила я. – Он тоже реален? Как и Пожиратели?

Губы Резерфорда сжались в тонкую линию.

– Да, драконы тоже вполне реальны. Они живут общинами. Одна из таких общин есть недалеко от горы Маклафлин.

Увидев выражение моего лица, Резерфорд продолжил:

– Но тебе стоит держаться от них подальше. У нас с драконами абсолютно противоположные цели. Мы охраняем Врата Эридана, держа их закрытыми, и не даем Пожирателям покинуть наш мир. Мы жертвуем нашим миром и собой, запирая их здесь и позволяя кормиться энергией человечества – так мы сохраняем другие миры. Каждый из семи спеллсингеров должен знать и мочь спеть Песнь Эридана, чтобы, если однажды что-то пойдет не так, быть готовым вновь запечатать Врата.

Если честно, я и не надеялась, что узнаю столько всего в ближайшее время. Голова уже шла кругом.

– И кстати, во-вторых, твой отец должен был подготовить тебя и привести к нам в день твоего восемнадцатилетия. Но, мы наблюдали за тобой, и решили подстраховаться. Как видишь – не зря. Он весьма специфичным образом воспринимает обещание, данное им твоей матери.

За окном смеркалось. Мы проезжали Мерлин, и когда я увидела яркую радугу кафе «Райффл», я попросила Эдварда притормозить. Тарелка «Цезаря» мне сейчас явно не помешает. А ещё гренки с сырным соусом и лимонад.

Мобильный разрывался от звонков. Эдвард взял его у меня из рук и выключил.

– Отец подумает, что это похищение, и скоро здесь будет вся полиция штата! – всплеснула руками я.

– Не будет. Как ты уже сказала, синий Крайслер семидесятых невозможно не заметить. Твой отец знает, кто увез твою дочь. Он не будет вызывать полицию.

– Он не оставит этого просто так.

– Конечно. Он обязательно поедет за тобой. Поверь, он знает, где нас искать.

Резерфорд взял себе стейк с яичницей и блинчики с медом. Пока мы ели, я поняла, что мне не понравились его слова про «держаться подальше от драконов». Я не собиралась держаться от них подальше. Особенно от того парня. Интересно, он живет в общине возле горы Маклафлин? Мое сердце забилося быстрее.

Видимо, я совершенно не умела скрывать свои эмоции, потому что, отхлебнув лимонада, Эдвард сказал:

– Общины драконов хотят открыть Врата Эридана – врата в другие миры. Они стремятся вернуться в свой мир, на свою историческую родину. Им без разницы, что будет с остальными мирами, когда Пожиратели просочатся сквозь открытые Врата. Они привыкли жить бок о бок с этими хищниками. Цель Хранителей – сделать так, чтобы этого никогда не произошло. Поэтому лучше сразу выкинь того парня из головы.

Я скривилась.

– Вы мне не папочка, чтобы давать такие «ценные» советы, – отрезала я и Резерфорд поморщился, словно от пощечины.

– Если бы я был бы твоим папочкой, я бы не допустил, чтобы ты была настолько неподготовленной и беззащитной. Сила Хранителей – в звуке их голоса, в Свете. Ты же до сих пор не умеешь управлять ни тем, ни другим. К тому же, чтобы управлять Светом, твое тело должно быть крепким и сильным. А пока что, – он оценивающе оглядел меня сверху вниз, – твои мышцы похожи на пудинг.

– То есть, я должна буду остаться там у вас в Ордене, и учиться, чтобы получить Песнь Эридана?

Резерфорд кивнул.

– Ты должна была пройти Ритуал и получить Песнь седьмого декабря. Но ты не готова. Мы не можем так рисковать.

– Ритуал? И в чем он заключается? И кто будет меня учить? Вы?

– Нет, не я. Я поручил твоё обучение Леонарду. Он расскажет тебе, в чём заключается Ритуал Песни.

Я кивнула. Надеюсь, он будет помоложе Резерфорда, или я умру со скуки. Хотя, о чём я вообще думаю? Я всерьёз, меньше, чем за час, решила остаться в каком-то там Ордене и учиться... Кстати, чему именно учиться? Управлению Светом? То есть, какой-то магии и управлению голосом. То есть, музыке? Это мне нравилось. Магия и музыка. И чему ещё – какому-нибудь тхэквондо что-ли?

– А вы знаете, какая фамилия была у моей матери до того, как она вышла замуж за отца?

У меня в голове вертелось множество вопросов, но некоторые я решила оставить на потом.

– Это я познакомил твою мать и твоего отца. Райнхардт. Элизабет Райнхардт, – Резерфорд устало склонил голову вниз. – Пойдем, нам нужно выиграть у твоего отца ещё немного времени.

Значит, я не останусь ни в каком Ордене. Отец не позволит. И Резерфорд тоже понимает это. Он просто передаст меня ему, и на этом всё закончится. Но тогда зачем он всё это говорит мне? Зачем весь этот фарс с поездкой в Венету? Если я расстроилась, значит ли это, что я действительно хотела остаться в Ордене?

Эдвард открыл бардачок, достал что-то оттуда и протянул мне. Это была фотография.

– Вот, держи. У меня не так много их осталось... Но я подумал, что она и для тебя будет иметь огромную ценность.

С фотографии на меня смотрела, улыбаясь во весь рот, рыжеволосая синеглазая девушка с веснушками в клетчатой зеленой фланелевой рубашке и джинсовом комбинезоне. Она держала в руках букет красных камелий, прижимая к сердцу. Девушка была чуть старше меня. Мое сердце защемило.

– Это ведь... Моя мама? – проглотив комок в горле, спросила я.

– Да, это она.

– Спасибо, – одними губами прошептала я и убрала фотографию в рюкзак.

Эта поездка уже дала мне больше, чем я смела мечтать. Теперь у меня есть её фотография. Когда я вернусь, покажу её Лиаму.

Глава 6

Через полчаса мы снова остановились – в Глендейле. Резерфорд пояснил, что у него есть небольшое дело в библиотеке, а затем постучал в дверь маленького аккуратно выбеленного здания.

– Приемные часы давно закончились. Пятница, – констатировала я.

Но спустя пару минут дверь все же открыли.

– Чего так долго, Махоуни? – усмехнувшись, спросил Эдвард. – В туалете, что-ли, сидел? Махоуни сделал вид, что не услышал колкости.

– Кто это с тобой, Эд?

– Это *она*. Познакомься.

Мужчина лет пятидесяти, с выразительным носом, серо-голубыми глазами и светлыми волосами почти до подбородка с видимой проседью взял мою руку в свою и коснулся ее тыльной стороны губами.

– Хранительница. Это честь – быть знакомым с вами.

Мои глаза удивленно округлились. Я в замешательстве перевела взгляд на Резерфорда. Впрочем, Махоуни тоже это сделал.

– Мог бы предупредить, что привезешь *ее* сюда.

– Мы всего лишь на пять минут, Майкл.

Резерфорд подтолкнул меня пройти внутрь.

В зале библиотеки горел свет. В правом углу висели китайские фонарики зеленых оттенков. По некоторым стеллажам вился искусственный плющ. Все внутри выглядело очень уютно. Я бы с удовольствием осталась здесь на пару часиков с книгой.

Я заметила, как Эдвард передал Майклу сложенный листок.

– Ви, пойдем, – позвал меня Резерфорд.

– Я не давала разрешения так себя называть. Лаванда, пожалуйста, – сказала я максимально холодно.

– Хм, Ви – это коротко, быстро и удобно. Ну что ж, нет так нет.

– Не думала, что *вы* умеете принимать отказы.

– А зачем тогда сказала это? – лукаво улыбнулся Резерфорд.

Я хмыкнула и отправилась к машине.

– Я не планировала, что вы меня украдете, поэтому не взяла с собой вещи.

– Они тебе не понадобятся, Орден обеспечит тебя всем необходимым.

Наверное, Эмма оставила мне уже сотню голосовых. Она непременно захочет узнать, нашла ли я синеглазого брюнета. Никто из нас не мог даже подумать, что ситуация повернется другой стороной.

До самой Венеты мы ехали молча. Я откровенно устала, и попытки сосредоточиться и задать побольше новых вопросов ни к чему не приводили. В мыслях была каша. Привести их в порядок никак не удавалось, к тому же, периодически в них врывался парень-дракон. Видимо, пока я его не найду, так и буду думать о нем и думать. Стоп. А как мне его теперь искать, если вдруг я все же останусь в Ордене? Мне можно будет оттуда выходить? Как там у них все устроено? И что делать с моим поступлением в университет? Сколько времени займет обучение? Наверное, вот эти вопросы и стоило задать Резерфорду. Но я не чувствовала в себе сил даже на это.

Перед въездом в Венету я окончательно скисла и за это на себя разозлилась. Эдвард же, похоже, наоборот, несмотря на часы за рулем, пребывал в приподнятом настроении.

Часы на моем фитнес браслете показывали почти девять вечера, и я вдруг осознала, что собираюсь спать в незнакомом месте среди незнакомых людей. Впервые в жизни. От этих мыс-

лей мне вдруг стало не по себе. Кроме летнего лагеря, Эммы и походов я всегда ночевала дома. Да и в лагере рядом всегда был Лиам, про ночевки у Эммы и говорить нечего, а в походах мы были исключительно семьей. Весь мой оптимистический настрой вдруг куда-то улетучился... Совсем скоро мне, наверное, ещё и с остальными членами Ордена придется знакомиться. Хотя, кто знает, вдруг я с кем-нибудь подружусь?

Несмотря на то, что уже было темно, внешне, из окна авто Венета мне понравилась. Улицы и дома были более ухоженными, чем в Фениксе, и почти каждый дом был окружен высокими елями. Учитывая, что некоторые дома уже были наряжены к Рождеству – выглядело все это вдвойне волшебным.

– Тридцать три дома на Аркейн-, Айриник-, и Рапсоди-авеню принадлежат Ордену, – пояснил Резерфорд. – Комната в одном из них – твоя.

Мы подъехали к одноэтажному синему дому на Аркейн-авеню, напротив которого выходила огромная пихта.

– Эдвард, минутку, – замялась я. – А кто еще живет в этом доме?

– Я, Леонард и Элейн.

Я пошла внутрь за Эдвардом. Резерфорд открыл дверь и бросил ключи от машины на небольшой стол у зеркала. Из коридора открывался хороший вид на большую часть комнат изнутри дома. Справа располагалась ванная, туалет, прачечная, кухня и гостиная, спальни шли по левой стороне. Пол был застелен мягким серым ковролином. Пока я рассматривала обстановку, из одной из спален вышел парень лет двадцати пяти, ростом еще выше Уильяма и визуально со стальными кубиками брюшного пресса, которые определялись даже через темно-синюю футболку. Его виски были выбриты, а длинная рыжая челка прикрывала правый глаз. Кстати, его ореховые глаза изучали меня ничуть не меньше, чем мои синие – его.

– Это Леонард. Леонард, это – Лаванда, представил нас друг другу Эдвард. – Леонард будет обучать тебя и заботиться о твоей безопасности.

Справа из гостиной нам на встречу вышла светловолосая голубоглазая девушка в бледно-голубой майке и таких же бледно-голубых джинсах. Она, на вид, была чуть старше меня.

– Элейн, это Лаванда. Лаванда, это – Элейн. Она наш центр информации здесь. Знает все и обо всех, несмотря на свой достаточно юный возраст. Она также занимается организацией мероприятий, доставкой еды для членов Ордена. Если тебе нужны будут деньги на личные нужды – спроси Элейн, она выдаст тебе карту.

Я слегка опешила. Так просто? Выдаст карту?

– Кстати, Эл, что у нас сегодня на ужин?

– Мы оставили вам пиццу «Цыпленок Барбекю». Ещё в холодильнике есть каннеллони с сыром.

Надо признаться, не так я себе представляла Орден. Я думала, они живут в замке, или в церкви... Или что-то вроде этого. А тут обычный дом. Эти трое даже сошли бы за семью. Дедушка и внуки, к примеру.

– Твоя комната самая левая. Полотенце в шкафу, – продолжила Элейн.

А я подумала, что из нее получилась бы неплохая главная героиня. В голове сам собой начал возникать выдуманный диалог. Жаль, сейчас не достать мобильник, чтобы записать его.

– Вымойся и поешь спокойно. Поспать пока не получится. К полуночи твой отец будет здесь, – констатировал Эдвард.

Я открыла рот и тут же закрыла его. Найти нас по синему Крайслеру семидесятых действительно не составит труда. Я выдавила из себя подобие улыбки, сняла рюкзак с плеч, взяла его в левую руку, а правой открыла белую дверь, возможно, моей новой комнаты. Которая, кстати, разительно отличалась от той, которая была у меня дома в Фениксе. Кровать стояла по центру, а не в углу слева. И была больше моей. В глаза сразу же бросился комплект постельного белья – градиентные синие полосы от темных к светлым к центру разрывали ярко-оран-

жевая и белая. Дерево выглядело слегка состаренным. На лакированном полу возле кровати лежал белый коврик с ворсом средней высоты. Над кроватью висел плакат с изображением побережья. Волны, которые разбивались о зеленые скалы. Типичный Тихий океан. Под плакатом была небольшая полочка, на которой красиво разместились пятнадцать горшочков с разными суккулентами. В целом, довольно минималистично: шкаф, комод, тумбочка. Но уютно. В духе природы Орегона.

Я решила, что сначала вымоюсь, а потом поем. Это будет для меня первым испытанием. Я не смогу спокойно мыться, зная, что в доме кроме меня ещё три незнакомых человека. Поэтому я буду мыться беспокойно. Все время начеку. В шкафу меня ожидал сюрприз в виде отсутствующего полотенца. Благо я сообразила заглянуть в комод и нашла его там. Вместе с такой же мантией, как та, которая была на Резерфорде, только красной. Под мантию мне предлагалось надеть длинное черное трикотажное платье. Я взяла одежду, полотенце и пошла в ванную. Увидев меня, Элейн ободряюще кивнула мне из гостиной. Я улыбнулась ей в ответ, и нажала на ручку двери. Ванная оказалась довольно маленькой. Стены были покрашены в темно-зеленый цвет. Их пытались сделать чуть привлекательнее, добавив искусственные разводы. Я положила полотенце на тумбочку возле раковины, повесила одежду на крючок и включила воду. На борту ванной стоял небольшой пузырек. Я вылила немного средства из него в воду, и по ванной распространился древесный аромат, который перемешивался с нотками лайма.

Внезапно у меня в мыслях сами собой всплыли слова Резерфорда:

«Она должна выбрать правильную сторону».

Если я правильно его поняла, есть спеллсингеры и Орден, есть драконы и Пожиратели миров. Спеллсингеры и Орден против открытия Врат Эридана. А драконы и Пожиратели, наоборот, хотят их открытия. Получается, стороны всего две. И сейчас, попав в Орден, я приняла одну из них? То есть, я поддерживаю то, что Врата между мирами должны быть закрытыми? В любом случае, я не хотела бы стать причиной уничтожения других миров Пожирателями. Но разве нормально то, что мы сами стали кормом для другого вида? Могу ли я винить драконов в их желании вернуться в их мир? Даже несмотря на то, что они тот мир никогда не видели? Или видели? Сколько они живут? И, возможно, этот мир теперь больше их, чем тот? Этот мир стал им пристанищем на века, если я верно все поняла. Неужели они не боятся, что мир, в который они хотят уйти, станет такой же кормушкой, как этот? Двигет ли драконами лишь тяга к истокам, или в их стремлении вернуться есть нечто большее? Я должна это выяснить. Перед тем, как принять настоящее решение, принять чью-то сторону, я должна знать истинное положение дел. Стоп... Но может ли, в принципе, Хранитель выбирать сторону? Хотя, раз Резерфорд так сказал, наверное, может.

Я провела по пене рукой, возвращаясь в реальность. Какие у меня вообще планы? Как дальше я намерена действовать? Я ещё не сдала экзамены в школе. Разве я могу остаться в Ордене? Но мне бы хотелось. Ведь у меня, по всей видимости, есть какая-то сила и я бы хотела научиться ей пользоваться. Тот Свет – моя сила. Интересно, как она работает? Получается, чтобы вызвать Свет, мне нужно петь? Только ли в Свете дело? Выросшие фиалки тоже не выходили у меня из головы.

Я ещё на пару минут полностью погрузилась в теплую ароматную ванну, потом вымылась, высушила волосы и оделась в платье и мантию. Раз я решила пока попытаться остаться здесь, я должна дать отцу понять, что я приняла решение.

Глава 7

Он не заставил себя долго ждать.

– Черт бы тебя побрал, Эдвард! – услышала я голос отца, закрывая дверь ванной.

Развернувшись, я замерла: он притаился с собой Уильяма.

Резерфорд выскочил из своей спальни и встал прямо передо мной. Отец скользил взглядом по моей мантии.

– Я же сказал тебе, привезу, когда она будет готова! – рыкнул Дэвид на Эдварда.

– А должен был еще позавчера!

– Я ничего тебе не должен с тех пор, как умерла Элизабет, – чуть тише зло прорычал отец.

– Мне – нет. Ей – да.

На секунду в воздухе повисла тишина. Затем Резерфорд показал рукой на гостиную.

Отец посмотрел на Уильяма, а потом, все-таки, снял куртку и повесил ее на крючок.

Мы все прошли в гостиную, в которой у окна уже стоял Леонард. Они с Уиллом обменялись многозначительными взглядами. Мы с Резерфордом сели в кресла, а отец с Уиллом – на диван.

– Я намерен забрать ее отсюда, – холодно отчеканил отец.

– Лаванда сделала свой выбор, как ты видишь, – лениво ответил Резерфорд и сложил руки у лица, оперев локти на колени.

Отец еще раз кинул взгляд на мантию на мне.

– Эта тряпка на ней ничего не значит, – он развернулся ко мне. – Ты решила вступить в Орден?

Я на секунду заколебалась, и уголки рта Дэвида поползли вверх.

– Ты собираешься получить Песнь и не отступишь от этого решения, – скорее сказал, чем спросил отец и грустно усмехнулся. – Что ж... Скажем в школе, что я отправил вас с Уильямом на частные курсы для подготовки к экзаменам в Шервуде.

Отец собрался покрывать меня? Стоп? С Уильямом? Я ошарашено посмотрела на своего парня.

– А ты думала, я позволю тебе остаться здесь одной?

– Я уже совершеннолетняя, пап! – наконец подала я голос.

– Разве ты не рада, что не придется расставаться с парнем на долгое время и я сам решил этот вопрос? – испытующе посмотрел на меня отец, и мне пришлось сдаться.

Может быть, знакомое лицо здесь и правда не помешает. Надо будет только узнать, что обо все этом знает и думает сам Уилл, который до сих пор не произнес ни звука.

– Скажешь Эмме, что живешь у бабушки и дедушки. Она тоже не должна ничего знать.

Интересно, что он наплел Уильяму? Или... Он действительно оплатил ему частные курсы для подготовки?

– А через месяц, когда мы уедем в Корваллис, нам обязательно тащить с собой этого прихвостня? – кивнул на Уильяма Резерфорд.

Мы уедем в Корваллис через месяц? Вот это новости. У меня начало создаваться впечатление, что отец общается с Эдвардом намного дольше и чаще, чем я думала раньше.

– Раз уж Венди приняла решение, это мое обязательное условие.

Несмотря на то, что я думала, что никакого разговора не получится, мы все до сих пор почти мирно беседовали и даже пришли к единому решению.

Вдруг отец встал и подошел ко мне. Кажется, я рано обрадовалась.

– Пожалуйста, хотя бы в этот раз уступи мне. Ты не знаешь и половины всего, что здесь происходит. Ты собираешься остаться с абсолютно незнакомым тебе человеком. Ты не знаешь, что он за человек!

От нервов меня начало потряхивать. Резерфорд встал и предупреждающе сжал ладони в кулаки.

– Ни слова больше, Дэвид!

– Почему ты так боишься, что она узнает правду? – Отец неотрывно смотрел на Эдварда. – Молчишь? Я скажу тебе, Эд. Потому что ты сам знаешь, что виноват в смерти своей дочери. Потому что Венди – единственное, что у тебя от нее осталось. И ты боишься потерять это единственное. Может быть, спустя столько лет, ты осознал свою ошибку?

Я вскочила на ноги. Он что, сейчас сказал, что Резерфорд – мой дедушка по линии матери?

– Это какая-то ошибка. Когда я спросила его, какая фамилия была до замужества у моей матери, он ответил, что Райнхардт. Как такое возможно?

Резерфорд едва заметно качнул головой, но я увидела этот жест.

– Моя жена, – Мариса Райнхардт, – начал Резерфорд. – Не захотела брать мою фамилию, и настояла на том, чтобы Элизабет тоже получила ее фамилию.

– Венди, ты не знаешь, что он за человек! – продолжил отец. – Он убил собственную дочь! Лицо Резерфорда побелело.

– Она бы открыла Врата! – отчаянно и одновременно зло процедил Эдвард.

Я почувствовала покалывание в татуировке, чуть более сильное и даже настойчивое, чем до этого. Мои виски взорвались болью. Я вскочила, не в силах выносить то, что на меня навалилось, взяла пальто и вылетела на улицу. Как я могла быть такой наивной? Размечталась: магия, музыка...

Не знаю, сколько я бежала в темноте по Перкинс Роад, но точно достаточно долго для того, чтобы у меня закололо в боку. Совсем неподалеку по звуку угадывалось течение реки. Я спустилась вниз, к ней, и села на берегу у дерева, на значительном расстоянии от воды. Подтянув к себе колени, и обняв их руками, я дала волю слезам.

Поблизости раздались шаги, и я испугалась. Жизнь ничему меня не учит. Сейчас темно, вдруг это опять Пожиратель? Хотя, вряд ли. Пожиратель ведь не издавал никаких звуков. Вряд ли тень может шуметь. Или может? Даже если это не Пожиратель, от этого не менее жутко.

– Т-с-с, не бойся. Как твое имя? – от звука уже знакомого голоса я успокоилась.

Как он здесь оказался? Неужели он искал меня?

Я неуклюже вытерла слезы и встала.

– Лаванда. Лаванда Вуд.

Выразительный брюнет с самыми синими в мире глазами жадно рассматривал меня.

– Эридан.

– Эридан? – попробовала я его имя на вкус.

– Да, пока что просто Эридан.

– Звучит интригующе. Пока что... – я улыбнулась, и он улыбнулся мне в ответ. А потом обошел меня вокруг.

– Скажи мне, Лаванда, как так получилось, что ты одна из нас, но я о тебе никогда ничего не слышал? Твоя семья недавно переехала? Ты из другой общины?

Я непонимающе смотрела на него. Этот парень-дракон что, думает, что я из другой общины *драконов*?

– Послушай, Эридан, я не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь «одна из нас», – мягко начала я.

– Ты прекрасно *знаешь*, что я имею в виду. Ты все видела день назад.

– Вероятно ты дракон, я это понимаю, но я – нет.

Брови Эридана удивленно взлетели вверх. Он некоторое время изучающе смотрел на меня, а потом улыбнулся.

– Пожалуйста, покажи мне свое правое запястье.

Я покраснела. Он что, хочет увидеть мою татуировку? Откуда он про неё знает? Эридан подошел ко мне и остановился рядом на расстоянии вытянутой руки. Мне в нос ударил аромат хвои и розмарина, бергамота и мяты. Я подвинула рукав платья так, чтобы оголить запястье. Эридан посмотрел мне в глаза.

– Можно? – Он спрашивал разрешения коснуться моей руки.

Я слотнула, и протянула ему руку. Он аккуратно взял меня за ладонь, поднял запястье чуть выше и покрутил руку из стороны в сторону, разглядывая вязь на татуировке. А потом большим пальцем нежно провел по ней. Покалывание вдруг стало нестерпимо сильным и я, ойкнув, отдернула руку. Зрачки Эридана расширились.

– Ее кто-нибудь видел? – не спуская с меня взгляда тихо спросил Эридан.

Я хотела было отрицательно помотать головой, но потом вспомнила, что ее видел Лиам и Эмма.

– Да. Мой брат и моя подруга заметили ее, когда она появилась, – пояснила я. – Что она означает? Почему она появилась, ты знаешь?

– Потому что, Лаванда, я спас тебя, – уверенно ответил Эридан. – Если я попрошу тебя ее пока больше никому не показывать, ты выполнишь мою просьбу?

Если цена за мое спасение – лишь какая-то татуировка, то я точно буду благодарной. Я не спасла его, бросила его там, но судьба действительно дает нам шанс. Я выдохнула.

– Да. Я и не собиралась больше ее никому показывать, – заверила его я.

Один вопрос вертелся у меня в голове с того самого момента, как он назвал свое имя, и я наконец, решила дать ему свободу.

– Это твою Песнь мне должны передать, когда я буду готова? – Лицо Эридана вмиг стало серьезным. – Неужели тебе *столько* лет, что все построенные Врата в другие миры названы в твою честь?

Дракон рассмеялся.

– Я думал, я выгляжу куда более привлекательно, чем мумии в музее.

Я вновь покраснела. Почему я все время несу всякую чушь?

– Нет, я не тот Эридан, Песнь которого тебе передадут и я лишь чуть старше тебя, – медленно произнёс Эридан, с любопытством разглядывая меня.

– Она здесь! – Уильям бежал ко мне. – Дэвид, я ее нашел!

Он вдруг резко остановился, увидев Эридана и напрягся. А я вдруг осознала, что волнуясь за Эридана, который все еще стоял достаточно близко ко мне, чтобы ощущалось его тепло, а не за такого знакомого мне Уильяма. И это меня напугало. Эридан же увидел идущего к нам Резерфорда, и его глаза опасно сверкнули.

– О, Рейн! Какими судьбами? Ты забыл, что драконам *запрещено* подходить к Хранителям?

– Я не намерен играть в эти игры. Она не просто Хранитель. Она одна из нас, поэтому я забираю ее с собой. Мы имеем на нее столько же прав, как и вы.

«Или даже немного больше», – наклонившись ко мне, шепнул мне на ухо дракон, и мою татуировку закололо с новой силой.

– Лаванда приняла решение самостоятельно, – твердо сказал Эдвард.

– Вы скрывали ее от общины! Никто из нас не знал о ее существовании. Вряд ли старейшине это понравится. И к тому же, с нами она будет в большей безопасности.

– Мы не успели передать ей Песнь.

– Это проблема Ордена, а не наша, – холодным, словно сталь голосом ответил Эридан.

– Ему ты тоже поставишь условие – взять с собой прихвостня? – масляно улыбаясь, Резерфорд пилил глазами отца.

Дэвид выругался. Резерфорд вновь повернулся к Эридану.

– Первичный срок. Потом она наша. Орден мог бы и не уступать, мы нашли ее первыми. Передай старейшине, что мы идем на это только потому, что вы все это время безупречно выполняете Соглашение.

– Орден ни в чем нам не уступает. Это мы нашли ее первыми. И вам об этом известно.

– Вернешь ее на это же место ровно через семь дней целой и невредимой! – прикрикнул на него отец и дракон обворожительно улыбнулся.

Затем Эдвард, Дэвид и Уильям развернулись и пошли в сторону Аркейн-авеню. Я, до сих пор не до конца понимая, что тут произошло, ошарашено смотрела им вслед. Из оцепенения меня вывел голос незнакомой девушки:

– На крыльях?

– Я оценил шутку, Хех, – Эридан подмигнул незнакомке, и я ощутила укол ревности.

Вот черт. С Уильямом у меня такого не случалось! Я начала стараться дышать спокойно, чтобы случайно не выдать своего состояния.

– Лаванда, это Хехейна, Херувим Воздуха.

Хехейна была не очень высокой, но притягивающей взгляд девушкой. Среди темных волос до плеч бросались в глаза пряди малиново-фиолетового цвета. Черно-белая куртка, надетая на черный балахон, и ярко-желтая квадратная сумочка – все в ней говорило мне о том, что я и вполовину не настолько храбрая, чтобы иметь такой кричащий образ. Но именно такие обаятельные суперобщительные душки и привлекают парней.

Я слотнула и протянула Хехейне руку.

– Ну, пока! С пробоем ты явно справишься и без меня, – внезапно махнула нам Хехейна и растворилась в тенях, из которых появилась до этого.

Эридан вдруг слегка сжал ладонями мои руки у локтя и развернул так, чтобы я смотрела прямо на него. От неожиданного контакта я задрожала.

– Просто, что бы не случилось, не отпускай мою руку, поняла? – серьезно спросил дракон.

И я закивала в ответ, как болванчик. Меня тянуло к его губам, словно магнитом, и я сейчас согласилась бы на все, чего бы он не попросил.

Эридан довольно улыбнулся, словно прочел мои мысли. Черт. Мои щеки мигом стали пунцовыми.

В следую

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.